

Интересно сравнить мнение Белинского и мнение Ахматовой о пушкинском Дон Гуане (Дон Хуане, Дон Жуане в произведениях других авторов. Пушкин не дал своему герою наиболее распространенное имя – Дон Жуан, и сделано это не случайно: у Пушкина свой герой, свой по имени и по сути).

Белинский. Его рассказ о «Каменном госте» (в том числе о Дон Гуане) в последней, одиннадцатой статье «Сочинения Александра Пушкина», как всегда, энергичен и глубок. Сильна похвала его стиху поэта («какой стих, прозрачный, мягкий и упругий, как волна!..»); многогранна характеристика его Дон Гуана («красавец собою, стройный, ловкий, он весел и остёр, искренен и лжив, страстен и холоден, умён и повеса, красноречив и дерзок, храбр, смел, отважен»). Прекрасен его разбор характеров двух женщин – Лауры и Анны, – истинных испанок, одинаковых и всё же разных. «Донья Анна женщина, и притом южная; страсть у неё – дело минуты, и ни позор общественного мнения, ни лютая казнь не помешают ей отдаться вполне тому, кто умел заставить её полюбить». Это – заставил её полюбить – сумел сделать Дон Гуан. Каким же образом? «Языком коварной лести и голосом сердца».

Глубок в этой части статьи рассказ Белинского о Дон Гуане.

Любопытно окончание её. «Самым естественным наказанием Дону Хуану» (Хуану – так пишет Белинский), наказанием за то, что он «посвятил свою жизнь наслаждению любви, не отдаваясь, однако, ни одной женщине исключительно, могла бы быть истинная страсть к женщине, которая или не разделяла бы этой страсти, или сделалась бы её жертвою. Кажется, Пушкин это и думал сделать: по крайней мере так заставляет думать последнее, из глубины души вырвавшееся у Дона Хуана восклицание: «О, донна Анна!» – когда его увлекает статуя» (увлекает в загробный мир).

Что можно сказать об этом мнении Белинского? Предпосылка «наказания» Дон Гуана неверна. Гуан, может быть, впервые полюбил женщину и женщина полюбила его, так за что же его (их) наказывать? Радоваться надо рождению прекрасного чувства любви.

Но вот с фантастическим предположением критика о том, что Пушкин как-то по-иному, не губя Гуана, думал наказать его («наказать нравственно», пишет В.Г.) – с этим предположением хочется согласиться. Согласиться не для того, чтобы наказать Дон Гуана (нет оснований для его наказания. Поединок, на котором он убил Дон Альвара, мужа Донны Анны, ставшего статуей – Каменным гостем, был честным), но для того, чтобы продлить его жизнь. Коротко было земное счастье-любовь Анны и Гуана; хочется, чтобы оно длилось и длилось...

Анна Ахматова. Своё мнение о «Каменном госте», о Дон Гуане она выразила в работе ««Каменный гость» Пушкина».

Ахматова считает, что основная идея пьесы – возмездие. «В трагедии «Каменный гость», – пишет она, – Пушкин карает самого себя, молодого, беспечного и грешного, а тема заgrabной ревности (т.е. боязни её) звучит так же громко, как и тема возмездия». По Ахматовой, в «Каменном госте» Пушкин – не только Дон Гуан, но и чуть ли и не Дон Альвар – статуя, пришедший в дом своей жены, чтобы наказать соперника.

Зачем Пушкин погубил Дон Гуана? Пушкин, считает Ахматова, не хотел, чтобы Дона Анна изменила своему мужу («вдова должна и гробу быть верна»), пусть уже мёртвому, пусть и не любимому ею при его жизни. Пушкин здесь говорит о себе, о своей жизни с Натальей Николаевной. И даже, добавляет Ахматова, о своей возможной заgrabной ревности. Мистика какая-то.

Здесь я не согласен с Анной Андреевной. Допустим, мистика может обернуться реальностью. Но я против мистического элемента при оценке жизни Пушкина и его творчества.

(Признаюсь: голова идёт кругом, когда знакомишься с текстом «Каменного гостя» и с мнениями о нём литераторов).

Подведём итоги. Идея «Каменного гостя» – не возмездие, как считает Ахматова, и не наказание, как думает Белинский. Его идея – любовь.

«Каменный гость» – гимн любви. В этом случае никакого продолжения «Гостя» не нужно. Пушкин сказал всё, что в нём (или им) можно было сказать.

О, Дона Анна!

Сентябрь 2010

Любовь, а не возмездие, не наказание – основная тема этой трагедии. «И любите давно уж вы меня?» – «Я Дон Гуан, и я тебя люблю».

Слова Доны Анны:

«Полюбив меня,

Вы предо мной и перед небом правы» – ключевые слова для грамотно-го прочтения пьесы. В своей любви и со своей любовью Гуан прав – прав и перед людьми, и перед Богом. (Почему ни Белинский, ни Ахматова не уделили должного внимания сакральным словам Доны Анны? Кстати: какое большое значение имеет для самой Анны любовь Гуана к ней! Как высоко она ценит саму любовь!).

Далее. Из монолога Гуана мы узнаём, что он проявил в отношениях с Доной Анной непонятную для него робость: несколько дней, переодевшись в монашескую рясу, молча, в отдалении смотрел он с благоговением на Дону Анну, когда она приходила на могилу мужа помолиться (Дон Альвар, муж её, был убит на дуэли Доном Гуаном. Причиной поединка была не она: прежде Гуан её не знал). И вот Дон Гуан решился:

Сегодня

Впускаю в разговоры с ней: пора.

А дальше – что видим мы дальше? Гуан, получив согласие Анны на свидание с ней у неё дома, радуется, как мальчишка:

Милый Лепорелло! (Каково обращение к своему слуге? – **А.П.**)

Я счастлив!

Я счастлив как ребенок!

Я петь готов, я рад весь мир обнять!

Свиданье мне назначила!..

Где здесь повеса (по Белинскому), где искуситель? Не он ли, Гуан, ведом более сильным, чем он, человеком? Женщиной! Но не соблазнительница в отношениях с ним Анна. «О, Дон Гуан, как сердцем я слаба», – говорит она, соглашаясь на повторное свиданье с ним. И не слаба она сердцем, а сильна им: эти её слова – признание в любви к Гуану.

Белинский постоянно говорит о некоей неискренности Дон Гуана; речи его, пишет В.Г., льстивы, вкрадчивы (но и страстны, но и нежны); язык его – язык коварной лести... Трудно полностью согласиться с такой

характеристикой языка Дон Гуана. Главный арбитр в нашем споре – Дона Анна. Она со своим чутким женским сердцем сразу почувствовала бы неискренность Гуана по отношению к ней. Напротив, она убеждена в искренности и слов, и поступков Дон Гуана. Поступков – несколько дней Дона Анна видит поодаль от себя на монастырском кладбище не подходящего к ней монаха (Дон Гуана. Она ещё не знала, что человек в одежде монаха – Дон Гуан). На слова же его о любви к ней Дона Анна отзывается:

«И любите давно уж вы меня?» – и в этом вопросе слышится утвердительный ответ.

Не замечает Дона Анна фальши в поведении Дон Гуана (нет её в нём) и потому верит в любовь его к ней и потому принимает её.

Не полюбила бы пушкинская Анна классического Дон Жуана, но полюбила Гуана. Повторим, Дон Гуан Пушкина не похож на литературных и оперных Дон Жуанов, например, Мольера и Моцарта – да Понте. Их Дон Жуан – повеса и соблазнитель, не способный на глубокое чувство любви. Лоренцо да Понте приводит следующий каталог побед Дон Жуана над женщинами: в Италии – 641, в Германии – 231, 100 во Франции, 91 в Турции, а вот в Испании – так тысяча и три. Не то у Пушкина: Инеза, Лаура и вот Анна – первая и последняя женщина, которую Гуан полюбил и с любовью к которой погибает.

Пушкин, повинувшись преданию («делать было нечего», замечает Белинский), погубил Гуана. Но какого Гуана? Не повесу; не соблазнителя – здесь не было бы трагедии: погиб повеса, ну и что? Кому от этого, кроме его самого, плохо? Погиб мужчина, впервые полюбивший женщину. А это уже трагедия.

«Каменный гость» – трагедия. Трагедия по жанру – как пьеса Пушкина. Трагедия и по содержанию: немного земного времени было отпущено Дон Гуану и Доне Анне для их любви.

Но для нас эта пьеса – песня любви. Как библейская «Песнь песней», она исполнена двумя голосами – можно сказать: сердцами – голосом мужчины и голосом женщины. Гуана и Анны.

Октябрь 2010

Деталь, на которую, читая трагедию «Каменный гость» Пушкина, не обратили внимания ни Белинский, ни Ахматова, ни, ранее, я. Деталь существенная.

Четыре сцены в этой небольшой пьесе. Все они так или иначе сфокусированы на Дон Гуане и Доне Анне. Но в первой сцене Дон Гуан лишь мельком видит Дону Анну. Однако он успеваает заметить её «узенькую пятку». На что Лепорелло, его слуга, хорошо знающий своего хозяина, философски откликается:

*Довольно с вас. У вас воображеньё
В минуту дорисует остальное.*

В этой сцене Дон Гуан соответствует легкомысленному и развратному Дон Жуану – герою старинной испанской легенды и многих произведений мировой литературы.

Во второй сцене Доны Анны нет. Действие пьесы происходит в Мадриде (Мадриде) в комнате Лауры, давней знакомой Дон Гуана. К ней он пришел тайком под покровом ночи: он без разрешения короля вернулся из ссылки, которую отбывал за дуэльное прегрешение. До прояснения своей участи он вместе с Лепорелло остановился, одетый отшельником, в монастырской венте (корчме) недалеко от Мадрита.

Гуан в этой сцене – всё тот же Дон Жуан: отважный, удачливый, любимый женщиной, готовый ею насладиться при мёртвом, убитом им мельком, сопернике (убитом в комнате Лауры).

В третьей сцене трагедии уже нет Дон Жуана; на наших глазах рождается Дон Гуан.

Гуан несколько дней молча и не представляясь Доне Анне любит её. Дона Анна каждый день приезжает в монастырь, чтобы помолиться на монастырской могиле мужа. Муж Анны (Командор, Каменный гость, Дон Альвар) был убит Дон Гуаном в честном поединке. Дона Анна знает, кто убил её мужа, но лично с ним она не была знакома (хотя и слышала о нём – слышала нелестную о нём молву).

Молча любит Анной Гуан. Любуется – и наполняется любовью к ней. Первый раз в жизни он начинает любить женщину. Он решается заговорить с ней.

«С чего начну, – спрашивает он самого себя, –
«Осмелюсь»... или нет:
«Сеньора»... ба! что в голову придёт,
То и скажу, без предуготовленья,
Импровизатором любовной песни...»

О чём может петь импровизатор? Может ли он лукавить, что-то выдумывать, как говорят, «сочинять»? Нет. Он поёт о том, что он чувствует, что видят его глаза. Так казах едет на своём ослике по степи под чистым небом и целый день поёт. Поёт о том, что вокруг него, чем жива его душа. «Сидит ворон на дубу и клюёт своя нога. Вай, жалобная песня».

Вот и Дон Гуан... Вот его первые слова любовной песни:

*Я только издали с благоговеньем
Смотрю на вас, когда, склонившись тихо,
Вы чёрные власы на мрамор бледный
Рассыплете — и мнится мне, что тайно
Гробницу эту ангел посетил.*

Продолжая свою любовную песню, Дон Гуан говорит:

*...с той поры, как вас увидел я,
Мне кажется, я весь переродился.
Вас полюбя, люблю я добродетель
И в первый раз смиренно перед ней
Дрожащие колена преклоняю.*

Слова изумительные. Слова-заклинания. Их нельзя «сочинить», их можно только выдохнуть.

Дон Гуан впервые заговаривает с Доной Анной – заговаривает на языке любви. Анна боится поверить ему – и верит (до этого она несколько лет жила в замужестве со старым мужем, командором, не любя его).

В этой, третьей, сцене пьесы Гуан предстает перед Анной поначалу в облике монаха (напомню, действие в этой сцене происходит на монастырском кладбище). И в этом облике Анна полюбила Гуана, поверив его любви к ней.

«Как вас зовут?» – спрашивает она. «Диего де Кальвадо», – отвечает монах (Гуан). Он не открывает Анне своё настоящее имя, очевидно, опасаясь, что Анна, узнав правду, перестанет встречаться с ним.

Но Анне, по большому счёту, не важно имя отшельника, ей важна его суть как человека, как мужчины: а суть мужчины – его любовь к женщине. Она приглашает любящего её Гуана к себе домой, ещё не зная его имени – приглашает со словами «если вы клянетесь хранить ко мне такое ж уваженье» (такое ж, как здесь, в монастыре). Забегая вперёд, скажем, что Гуан выполнил просьбу Анны.

Дон Гуан открывает Доне Анне своё настоящее имя при встрече с ней у неё дома – в четвертой, последней, сцене трагедии. После потрясения, обморока от услышанного, Анна, очнувшись, говорит – говорит буднично, просто и как бы отрешённо: «Так это Дон Гуан». Говорит – не переставая любить, а может, любя (уже Гуана) ещё больше, тревожась за него, за его жизнь.

Видим, во всех обликах – монаха, Дон Кальвадо, Дон Гуана – Анна любит Гуана. Это и есть та деталь, о которой я писал выше.

О, Дона Анна!

11 июня 2016

На этом я заканчиваю свою «Песня о любви А.С. Пушкина».

Человек создан для любви. Замысел творца воплотил Пушкин, рассказав нам в «Каменном госте» о взаимной любви Гуана и Анны.

О, Гуан! О, Анна!

12 июня 2016

P.S.

В мой основной текст о «Каменном госте» не вошли некоторые наброски, относящиеся к этой теме. Думаю, не лишним будет добавить их к основному тексту.

Лепорелло (в первой сцене):
Что ж, вслед за ней другие были
Дон Гуан:

Правда.

Лепорелло:
А живы будем, будут и другие.

Дон Гуан:

И то.

Что это? Лаконизм, краткость? Внятное пространство за пределами речи? Что это?

Видимо, Пушкин предполагал, что Дон Гуан могут обвинить в неискренности по отношению к Доне Анне. Поэтому он включил в текст пьесы следующий диалог.

Дона Анна:

И я поверю,
Чтоб Дон Гуан влюбился в первый раз,
Чтоб не искал во мне он жертвы новой!

Дон Гуан:

Когда б я вас обманывать хотел,
Признался ль я, сказал ли я то имя,
Которого не можете вы слышать?

Где ж видно тут обдуманность, коварство?

Полагаю, тем самым вопрос о некоей неискренности Дон Гуана по отношению к Доне Анне должен быть снят.

К сожалению, Белинский-таки в своей статье о «Каменном госте» пишет о коварной лести и пр. Дон Гуана. Более того, даже то обстоятельство, что Дон Гуан объявляет Доне Анне собственное имя... даже этот факт Белинский ставит чуть ли не в вину Дон Гуану: Дон Гуан-де делает это из-за тщеславия, «он хочет, чтобы его любили для него самого, чтоб его обнимала жена убитого им мужа».

Признаюсь, я по-иному понимаю этот поступок Дон Гуана: он во всём, до конца, хочет быть честным в своих отношениях с Доной Анной.

«Каменный гость» заканчивается следующими словами:

Статуя:

Я на зов явился.

Дай руку.

Дон Гуан:

Вот она... о, тяжело

Пожатье каменной его десницы!

Оставь меня, пусти – пусти мне руку...

Я гибну – кончено – о, Дона Анна!

Статуя-Командор и Дон Гуан проваливаются... Слова «О дона Анна!» – что они? Просьба о помощи? Прощание с любимой женщиной? Или её возвеличивание? Может, и первое, и второе, и третье. Загадка.

Из текста пьесы можно понять, что Пушкин не обошёл вниманием и естественное начало Дон Гуана и Доны Анны – как мужчины и женщины (иного и быть не могло).

Дон Гуан:

Когда ж опять увидимся?

Дона Анна:

Не знаю.

Когда-нибудь.

Дон Гуан:

А завтра?

Дона Анна:

Где же?

Дон Гуан:

Здесь.

Дона Анна:

О Дон Гуан, как сердцем я слаба.

Дон Гуан:

В залог прощенья мирный поцелуй...

Дона Анна:

Пора, поди.

Дон Гуан:

Один, холодный, мирный...

Дона Анна:

Какой ты неотвязчивый! На, вот он.

Дон Гуан выходит из комнаты (уходит) и тут же вбегает опять: на его приглашение приходит статуя Командора. Что было дальше – известно.

Дон Гуан уходит. Почему? По логике вещей, после разговора с Доной Анной, он не должен был уходить. Но он уходит: Дон Гуан в данном случае соблюдает условие своего посещения комнаты Доны Анны – хранить к Доне Анне такое же, как в монастыре, уважение.

Как передано здесь Пушкиным влечение друг к другу мужчины и женщины! Страстная их тяга друг к другу, скрытая до поры до времени, разрывает (или спрессовывает?) пространство и время («Когда ж опять увидимся?» – спрашивает-утверждает Гуан. «Не знаю. Когда-нибудь», – не возражает Анна. «А завтра?» – повелевает Гуан. «Где же?» – соглашается Анна. «Здесь»).

Видно: при следующей встрече Гуан и Анна станут физически единым существом (не было следующей встречи. Не их в этом вина).

Пьеса Пушкина «Каменный гость» полна света и трагизма. Свет в ней – это любовь мужчины и женщины. Любовь в ней не только в «прямых» словах о любви – «Я Дон Гуан, и я тебя люблю», вся пьеса, вся её атмосфера, ткань, наполнена светом и воздухом любви. Герои пьесы, Анна и Гуан, дышат этим воздухом; они озарены этим светом. Они сами рождают этот свет.

Трагизм в ней, – может, смерть Дон Гуана.

Проста и ясна по замыслу эта пьеса. Она – удивительная песня, светлая песня о любви.

По Пушкину, Дон Гуан погибает, «проваливается». По мне, смерти Гуана не было, и нет.

Не мог Александр Сергеевич посвящать свои произведения описанию «мерзостей жизни», например, описанию мертвых душ (известно, сюжет «Мертвых душ» подарил Гоголю Пушкин; сам поэт не стал описывать эту тёмную сторону жизни) или походов Дон Жуана.

Андрей Платонов сравнивал творчество Пушкина с океаном (А.П. Платонов. Размышления читателя. М., 1970. С. 33). Строчки Платонова я прочитал только в 2014 году, не то не написал бы в 1996-м следующее: «В Вас и океан б увяз», имея в виду Пушкина. Мои строчки не выдерживают сравнения с прозой Платонова – но они интересны тем, что я, как прежде Платонов, для характеристики творчества поэта и его самого, обратился за помощью к океану. (Самого Платонова Сталин назвал талантливой сволочью, но пощадил его. Здесь интересен и тот факт, что Сталин читал произведения писателя того времени).

10 июля 2015

Прошлый раз (см. «Вертикаль. XXI век». Выпуск 32 – Нижний Новгород. 2011) мне не удалось внятно передать мысль Ф.М. Достоевского о всемирной отзывчивости Пушкина. Немудрено: сам Фёдор Михайлович развивал эту мысль в двух случаях – в речи «Пушкин» и в «Объяснительном слове по поводу печатаемой речи о Пушкине».

Двумя обстоятельствами объясняет эту отзывчивость Достоевский.

Первое. По своему художественному дару Пушкин находится «в ряду с величайшими мировыми гениями: Сервантесом, Шиллером». Это хорошо, но этого мало, чтобы быть всемирно отзывчивым. Ни укого из европейских поэтов, утверждает Достоевский, нет её, а видим её только у Пушкина. Почему? «Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность». Вот «Подражание Корану»: «разве тут не мусульманин, разве это не самый дух Корана и меч его, простодушная величавость веры и грозная кровавая сила его?» А вот «Каменный гость»: «если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец». У Шекспира, напротив, его итальянцы (Отелло и др.) «почти сплошь те же англичане».

Второе. Всемирную отзывчивость, «перевоплощение своего духа в дух чужих народов, перевоплощение почти совершенное, а потому и чудесное, потому что нигде ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось» – всё это Достоевский объясняет просто: «способность поэта есть способность русская, национальная, и Пушкин только делит её со всем народом нашим, и, как совершеннейший художник, он есть и совершеннейший выразитель этой способности. Народ же наш именно заключает в душе своей эту склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению и уже проявил её не раз».

Таково обоснование Ф.М. Достоевским всемирной отзывчивости Пушкина.

Думаю, можно назвать и такой факт. Род человеческий имеет своё начало, как утверждают антропологи, в африканском прародителе. Пушкин, знаем, имел в своей родословной африканца (арапа). – Не здесь ли ещё одна из причин его всемирной отзывчивости?

29 июня 2016

Бог создал Еву; Габриэль Гарсия Маркес – Франсиску Линеро из Сантос-Игеронеса; А.С. Пушкин – Татьяну Ларину.

Создаётся впечатление, что женщина у Маркеса лучше мужчины. У Пушкина – тоже. А у Господа?

12 августа 2016

Её (Франсиску) насилуют, а она машинально думает: «Святая Троица, я ведь даже не подмывалась сегодня, какой срам». А потом (продолжала свой рассказ женщина), когда он «получил то, чего желал, он это сделал так торопливо и плохо, как если бы он был много старше или совсем

молокосос. Он был настолько подавлен, что стал плакать тёплыми, как моча, слезами. Мне стало его жалко, его и всех мужчин на свете». (Из романа Маркеса «Осень патриарха»).

Пушкин в своих «Набросках предисловия к трагедии «Борис Годунов» жёстко советовал читателю прежде, чем читать трагедию, «пробежать последний том «Истории государства Российского» Карамзина – том, в котором описаны события, участниками которых были Годунов, Григорий Отрепьев (Самозванец) и др.; они же охарактеризованы и в трагедии Пушкина.

Я последовал этому совету. Соответствующие места «Истории...» показали мне чуть ли не занятнее «Годунова».

Узнал, читая и историю, и трагедию, что Пушкин сохранил в своём произведении имена Мисаил, Варлаам, Пимен, дав своим монахам несколько иную характеристику, чем Карамзин. Так, Пимен у Карамзина – инок Днепровского монастыря, указующий Григорию путь в Литву, а не величавый монах-летописец Чудова монастыря, каким он обрисован Пушкиным.

Это различие в описании событий и их участников делает труд Карамзина историческим произведением, «зеркалом бытия государства» (Карамзин), а труд Пушкина – трагедией., в которой автор «Шекспиру подражал в его вольном и широком изображении характеров, Карамзину следовал в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени» (Пушкин, «Набросок предисловия...»).

Пушкин прав: прежде трагедии надо читать «Историю...» Карамзина. И, добавлю от себя, «Набросок предисловия к «Борису Годунову».

19 августа 2015

Некоторые считают поэму «Руслан и Людмила» эротической поэмой молодого поэта. Пусть так. Меня же заинтересовало другое. Завершённость жизненных линий героев поэмы: Рогдай погиб, Ратмир остался при ночном поцелуе («и сон счастливец прерывает лобзаньем страстным и немым»), Карла лишился бороды...

А что вещей Финн? Здесь мы видим картину удивительную. В поэме едва ли не подробнее, чем о Руслане, рассказано о жизни Финна – его любви к крестьянке. По сути, этот рассказ – особая поэма в поэме... А жизненный путь Финна – не жизненный ли путь каждого настоящего мужчины? «Ах, витязь, то была Наина».

22 сентября 2014

На первый взгляд в дуэльном поединке Пушкин – Дантес Бог был на стороне Дантеса: пуля барона попала в поэта и погубила его, пуля Пушкина попала в металлическую пуговицу одежды Дантеса и, срикошетив, лишь ранила его.

Бог был на стороне Дантеса?..

В действительности промысел Господен надо видеть в следующем. Не мог Пушкин убить человека, хотя бы и Дантеса (он и не убил его). Далее: не мог Пушкина убить русский человек – его и убил француз.

В этом и нужно видеть, в нашем случае, промысел Господа.

1 февраля 2015

Батюшки светы! Утверждают («ЛГ», 2009, № 32), что автором «Конька-Горбунка» был Пушкин. Не знал того Белинский, и досталось от него за «Конька...» не А.С., а бедному Петру Ершову.

Знать бы, где упасть...

Впрочем, могут додуматься и до того, что «Онегина» написал не Александр Пушкин, а... нет, тут имени всё же не подберёшь.

7 августа 2009

Сто сорок четыре года исполняется в этом году пушкинскому Гуану (трагедия о нём «Каменный гость» закончена поэтом 14 ноября 1830 года). Срок немалый. А пьеса (и Гуан) живёт и, чуть было не сказал, здравствует – нет, не здравствует, но светит своим ровным негасимым светом – светом любви.

8 сентября 2014

Белинский назвал «Египетские ночи» А.С. Пушкина прекрасной повестью и поэмой. Меня заинтересовала вот какая деталь в них.

Пушкин поименно обозначил двух из трёх мужчин, купивших ценою жизни ночь Клеопатры. Имени третьего он не назвал. Почему?

Случайно?

Вряд ли: случайного в произведениях Пушкина нет. Тогда почему? Чтобы на место третьего каждый мужчина мог бы поставить себя?

(Ну, а каждая женщина хотела бы быть Клеопатрой – но не быть укушенной змеей?)

7 июня 2015

Достоевский, говоря о «Египетских ночах» Пушкина, сравнил Клеопатру с паучьей самкой, съедающей своего самца после брачного часа. Брр, не по себе становится от такого сравнения. Да что с того: оно верно.

9 января 2011

В каком облике А.С. принял бы смерть, не погибни он на дуэли?

Полагаю, в облике монаха. К монашеству он присматривался, например, в стихотворениях «Странник» (1835 г.) и «Отцы пустынники и жёны непорочны» (1836 г.).

Позже Лев Николаевич уехал из Ясной Поляны в Оптину Пустынь, с тем чтобы провести в ней остаток жизни.

20 августа 2016

Белинский и Вересаев сходно объясняют следующую сцену «Моцарта и Сальери» А.С. Пушкина: «*Постой, / Постой, постой!.. Ты выпил!.. без меня?*»

Белинский: «За обедом в трактире Моцарт случайно спросил Сальери, правда ли, что Бомарше кого-то отравил. Сальери отвечает, что едва ли, потому что Бомарше был слишком смешон для такого ремесла. Моцарт делает при этом наивное замечание:

Он же гений,

Как ты да я. А гений и злодейство

Две вещи несовместные. Не правда ль?

Эта выходка ускорила решимость Сальери. Здесь Пушкин поражает вас шекспировским знанием человеческого сердца. В простодушных словах Моцарта было соединено всё жгучее и терзающее для раны, которою страдал Сальери. Он знал себя как человека, способного на злодейство, а между тем сам гений говорит, что гений и злодейство не совместны и что, следовательно, он, Сальери, не гений. А, так я не гений? Вот же тебе, – и яд брошен в стакан гения... Но когда Моцарт выпил, Сальери

как бы с смущением и ужасом восклицает: «*Постой,/Постой, постой!.. Ты выпил!.. без меня?*». Это опять истинно драматическая черта!»

Этим предложением Белинский заканчивает рассмотрение названной нами сцены.

Схоже объясняет её Вересаев. Повторив слова о Бомарше, о гении и злодействе, он пишет: «Сальери бросает в стакан Моцарта яд. «Ну, пей же!» Моцарт поднимает стакан и приветствует Сальери. Он выпивает кубок. Свершилось! Сальери в ужасе кричит: «*Постой,/Постой, постой!.. Ты выпил!.. без меня?*».

Моцарт с удивлением смотрит. Сальери, запинаясь, старается объяснить свой крик: «*Без меня?*». Дрожащей рукою подносит к губам свой стакан и пьёт».

Впечатляет... Но верно ли утверждение Белинского об ужасе и смущении Сальери от содеянного им и мнение Вересаева о некоем его, Сальери, замешательстве в этой сцене? Сомневаюсь. Белинский обосновывает своё утверждение просто: «Вот истинно драматическая черта! Здесь Пушкин поражает нас шекспировским знанием человеческого сердца».

Такое обоснование – *argumentum ad hominem* (доказательство, основанное не на объективных данных, а рассчитанное на чувства убеждаемого). Его можно принимать, можно и не принимать. Я, например, не принимаю.

Дело в том, что можно было бы согласиться с Белинским, если бы в цитируемой реплике были только слова: «*Постой, постой!.. Ты выпил!..*». Но в ней есть и слова: «*без меня?*» – ключевые, заканчивающие эту реплику.

Реплика Сальери загадочна. Не выражает она его ужаса от содеянного. Много времени Сальери вынашивал замысел погубить Моцарта («остановить» его); он и обосновал этот замысел (см. текст пьесы). И вот замысел осуществлён. После рассматриваемой нами реплики Сальери говорит: «*Как будто тяжкий совершил я долг*». Так характеризует он отравление им Моцарта – характеризует как выполнение им долга, возложенного на него им самим и судьбой... Не вижу я, повторю, выражения ужаса в реплике Сальери.

Что можно сказать о замешательстве, по Вересаеву, Сальери при отравлении Моцарта? Можно было бы согласиться с ним, если бы доводы, которые приводит он, обосновывая своё мнение, были бы не столь гипотетичны.

Итак, нет в словах Сальери «*Постой,/Постой, постой!.. Ты выпил!.. без меня?*» ни ужаса, ни замешательства. Но что же есть? Есть огорчение. Об этом говорят слова Сальери «*без меня?*». Я понимаю их так: здесь, скорее всего, проявление огорчения (мнимого, не мнимого?) оттого, что его, Сальери, не было в это мгновение (в момент употребления вина-яда Моцартом) вместе с «богом». Что он не выпил заодно с «богом» вино-яд. Странное, однако, огорчение.

Вернёмся к «ужасу». Ужас (возможно, и замешательство), если он и был, вот он:

*Ужель он прав,
И я не гений? Гений и злодейство
Две вещи несовместные. Неправда:
А Бонаротти? Или это сказка
Тупой, бессмысленной толпы –
и не был
Убийцею создатель Ватикана?*

Не дано Сальери стать гением (а он полагал, что, умертвив Моцарта, он станет им). Он убийца. А гений и злодейство вещи несовместные... Именно это стал осознавать Сальери. Как тут не ужаснуться?

16 августа 2016

Нехороший поступок Пушкина.

Несколько лет он добивался благосклонности Анны Петровны Керн. Добился. И что же?

Вот он пишет о том о сём своему приятелю Соболевскому и, между прочим, говоря о Керн, сообщает, что он её «с помощью Божией на днях у...»

Лёгким цинизмом отдают эти строчки А.С. Благодарить надо женщину за её величайшую милость, а не ёрничать, не называть её, в том числе, «вавилонской блудницей».

Считаю нехорошим этот поступок (речь о письме) Пушкина.

5 сентября 2016

Нильс Бор, Планк, Энштейн не только как физики открыли и описали Вселенную, но стали изучать и её изнанку.

Пушкин изучал человека.

Предел Пушкинской жизни и его творчеству положил Бог.

Что ещё мог бы сделать А.С., проживи он больше, – читай, например, Достоевского, его «Дневник за 1880 год».

Правда, достаточно и того, что Пушкин создал Россию: вера у нас христианская, православно-пушкинская.

Пушкин никогда не переиначивал свои произведения. Много черновиков он изводил для окончательного варианта стихотворения, но последний вариант становился именно последним и, следовательно, совершенным.

6 сентября 2016

Последними словами Пушкина, по воспоминаниям Жуковского, бывшего при умирающем поэте, были – просьба о продлении жизни: «Жить... жить...»

Пушкин – жизнь.

7 сентября 2016